

УДК 81'22

Молчкова Л.В.

Международный институт рынка (г. Самара)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОДА

L. Molchkova

International Market Institute, Samara

THE INFORMATION COMPONENT OF PHRASEOLOGICAL CODE

Аннотация. В статье рассматриваются первичная и вторичная знаковые структуры фразеологизма, где на первом ономасиологическом уровне (в прямом значении) фразеологизм состоит из слов, а на втором ономасиологическом уровне (в переносном значении) – из фразеониминаторов, которые, в свою очередь, содержат фразеодесигнаторы и фразеодистинкторы. Лексемы, входящие в состав фразеологизма, могут являться самостоятельными номинаторами или десигнаторами, либо дистинкторами, в составе фразеониминатора. Фразеониминаторы, в свою очередь, могут состоять из любого количества лексем, входящих в состав фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический код, ономасиологический уровень, фразеониминатор, фразеодесигнатор, фразеодистинктор, лексема.

Abstract. The article deals with primary and secondary semiotic systems of phraseological units where phraseological unit viewed in its primary meaning consists of words and in its transferred meaning it consists of phraseonominators containing phraseodesignators and phraseodistinguishers. Lexical units comprising the phraseological unit can have the function of the nominator, designator or distinguisher. Phraseonominator can consist of different number of lexical units comprising phraseological unit.

Key words: phraseological unit, phraseological code, onomasiological level, phraseonominator, phraseodesignator, phraseodistinguishers, lexical unit.

В данной работе под идиомами понимаются все идиоматичные единицы языка, а фразеологизмы рассматриваются как разновидность таких единиц. Вслед за В.М. Савицким, мы используем термины фразеологизм / фразеологическая идиома для обозначения фразовых (раздельнооформленных) идиом, имеющих переносное значение [9].

Переходя к теории кодов, отметим, что разнотипные сочетания слов создаются на основе разных кодов: один код порождает сочетания с прямым значением (стандартный код), другой код порождает фразеологизмы (фразеологический код). Фразеологический код представляет собой семиотическое устройство, предназначенное в первую очередь для создания (порождения) фразеологизмов – точнее, «протофразеологизмов», то есть раздельнооформленных речевых тропов, по своим структурно-семантическим свойствам соответствующих фразеологическому канону [8]). (Фразеологизмами некоторые из них становятся на завершающей стадии фразеобразования, если обретают устойчивость и входят в систему языка на правах её единиц.) По отношению к фразеокоду фразеологизмы предстают как мини-тексты – продукты работы кода. Как и всякие тексты, они состоят из знаков, которые в составе текста объединены в синтагму, а в составе кода – в парадигму. Парадигма знаков, из которых строятся фразеологизмы, представляет собой **информационный компонент** фразеологического кода. Эта парадигма делится на несколько субпарадигм по уровневой принадлежности входящих в неё знаков.

На первый взгляд, представляется очевидным, что фразеологизмы состоят из слов. Однако это справедливо лишь для первого ономасиологического уровня, на котором лексические

компоненты фразеологизмов имеют прямые значения и действительно являются словами. По сути дела, из слов состоят не фразеологизмы, а их буквальные прототипы, составляющие план выражения фразеологизмов. На втором же ономастиологическом уровне подтверждается тезис Ю.М. Лотмана о том, что при приложении к тексту различных кодов он различным образом распадается на знаки [3, с. 32]. На какие же знаки распадается фразеологизм на втором ономастиологическом уровне? Рассмотрим этот вопрос с позиций функционального подхода.

В рамках функциональной лингвистики языковые единицы рассматриваются как средства выражения содержания и классифицируются по способам выполнения этой функции. В трудах М.В. Никитина [5; 6] приводится классификация языковых единиц, в рамках которой уровневая принадлежность единицы увязана с её основной функцией. По М.В. Никитину, фонемы являются дистрикторами смысла, морфемы – фиксаторами смысла, слова – номинаторами смысла, а высказывания – коммуникаторами смысла. Отдавая должное высокой конструктивности этой идеи, мы всё же считаем необходимым сделать несколько оговорок касательно применяемых терминов.

Во-первых, следует отметить, что фонемы являются дистрикторами языковых значений, а не речевых смыслов слов. Поэтому термин *дистрикторы смысла* представляется нам неточным.

Во-вторых, термин *фиксаторы* в применении к морфемам представляется несколько расплывчатым. В лингвистике давно существует точный термин *десигнаторы*, который с полным правом можно отнести к морфемам. Морфемы – десигнаторы, притом опять-таки языковых значений, а не речевых смыслов. Десигнировать значение – значит быть носителем значения, но это ещё не значит – называть внеязыковой объект, соответствующий данному значению. Этим морфемы отличаются от слов: они лишь несут значения, а слова, к тому же, выполняют номинативную функцию.

В-третьих, если вспомнить треугольник Ч. Огдена – А. Ричардса, десигнация (означивание) характеризует связь знака и концепта (десигната), а номинация (обозначение) – связь знака и объекта (денотата). Поэтому представляется терминологически не вполне корректным рассуждать о номинаторах смысла (или значения). На наш взгляд, правильнее будет говорить о номинаторах внеязыковых объектов (которые так и называются – *объекты номинации*).

Мы принимаем термин *коммуникаторы смысла*. Высказывания действительно имеют не значение, а смысл, который они передают (коммуницируют) в процессе речевого общения.

Таким образом, в языке существуют единицы, которые с функциональной точки зрения могут рассматриваться как дистрикторы значений, десигнаторы значений, номинаторы объектов и коммуникаторы смысла.

Единица каждого следующего уровня выполняет те же функции, что и единицы предыдущих, плюс собственную функцию [5]. Морфема, будучи десигнатором, в то же время выполняет и функцию различения значений, присущую фонеме; слово, будучи номинатором, является одновременно и десигнатором, как морфема; высказывание, будучи коммуникатором, в то же время номинирует ситуацию, о которой оно повествует.

Если языковая единица по той или иной причине утрачивает свою собственную функцию, она продолжает выполнять функции предыдущих уровней. Например, английские морфемы *cran*⁻¹ в слове *cranberry* – *клюква*, *bar*- в слове *barberry*² – *барбарис* и *bil*⁻³ в слове *bilberry* – *калина* – не выполняют десигнативную функцию (на современном этапе существования английского языка они сами по себе не значат ничего), но выполняют дистриктивную функцию: они служат для того, чтобы отличать значения этих слов друг от друга и от значений других слов, оканчивающихся на *-berry* ('ягода'): *strawberry* (клубника), *gooseber-*

¹ Этимол. *crane* – журавль.

² Искаж. лат. *berberis* – из араб. *barbaris* – бербер.

³ Этимол. предположит. от индоевр. **bhel-* – круглый.

ry (крыжовник), *blackberry* (ежевика) и др.). Морфемы *cran-*, *bar-* и *bil-* суть дистинкторы значений, функционально эквивалентные единицам нижележащего уровня – фонемам. Учитывая, что, по Л. Блумфилду, морфема есть наименьшая единица языка, имеющая значение (то есть минимальный десигнатор), десемантизированные морфемы иногда называют псевдоморфемами.

Аналогичным образом, при лексикализации словосочетаний составляющие их слова функционально “деградируют” до единиц нижележащего уровня (морфем), теряя самостоятельную номинативную функцию и сохраняя лишь десигнативную. Это явление особенно характерно для английского языка – языка аналитического строя. Приведём пример: после того как английское словосочетание *big bug* (“большой жук”) обрело в разговорном языке значение “воротила”, его лексические компоненты в значительной мере перестали быть номинаторами объектов и в функциональном отношении приблизились к десигнаторам значений – морфемам – настолько, что в некоторых словарях английского языка эта единица представлена как сложное слово *big-bug*, компоненты которого окончательно превратились из лексем в морфемы, а само словосочетание окончательно превратилось в слово.

Сказанное позволяет вплотную подойти к вопросу о функциональных свойствах лексических компонентов фразеологизмов и далее – к вопросу об их семиотическом и лингвистическом статусе.

В лингвистике пока не выработано единства взглядов о свойствах лексических компонентов фразеологизмов: одними учёными они расцениваются как «слова, но только специфически употреблённые» [10, с. 202], другими – как «особые образования, только генетически восходящие к слову» [4, с. 26]. Если исходить из представления, согласно которому **все** они имеют один и тот же функциональный статус, то однозначно решить данную дилемму не удаётся. Во фразеологизме *кот из дому – мыши в пляс* компонент *кот*, несомненно, является словом, фигурально

обозначающим контролёра, а во фразеологизме *кот наплакал* компонент *кот* – не слово, поскольку он сам по себе ничего не обозначает, то есть не является номинатором. К фонду лексических компонентов фразеологизмов требуется дифференцированный подход. Более того, следует учитывать, о каком ономаσιологическом уровне строения фразеологизма идёт речь.

По нашим представлениям, на первом ономаσιологическом уровне (в буквальном плане) все лексические компоненты фразеологизма – слова. Каждое из них – номинатор; по стандартному правилу их значения в сумме дают прямое значение словосочетания.

На втором ономаσιологическом уровне (в переносном плане) одни лексические компоненты фразеологизмов остаются словами, а другие теряют словный статус. Всё зависит от характера переосмысления исходного значения. Фразеологизм имеет особую семиотическую структуру, которая в общем случае отличается от семиотической структуры своего прототипа – словосочетания с прямым значением.

Фонемы и морфемы, составляющие фразеологизмы, в общем случае являются единицами не собственно фразеологического, а общезыкового кода. Однако, как справедливо отмечает О.Ю. Зеленкина [2], фонемы в составе фразеологизмов способны выполнять особую функцию – функцию так называемой корреляции смыслов. Они способствуют со- и противопоставлению смыслов лексем в рамках художественного повтора, создавая, по выражению Р.О. Якобсона, поэтическую «сверхорганизацию» синтагмы. Например, во фразеологизме *ложка дёгтя в бочке мёда* ассонанс ударных подчёркивает антитезу смыслов ‘малое’ – ‘большое’ (*ложка – в бочке*) и ‘вредное’ – ‘полезное’ (*дёгтя – мёда*). На этом основании О.Ю. Зеленкина считает фонемы, обеспечивающие художественный повтор, особыми, собственно фразеологическими знаками – корреляторами смысла.

В целом идея корреляции смыслов, заимствованная из семиотики художественного текста и перенесённая на фразеологизмы,

представляется конструктивной. Следует, однако, заметить, что функцию художественного повтора во фразеологизмах выполняют не фонемы, а звуки (фонологи такой функции за фонемами не числят). Кроме того, эту функцию выполняют не только отдельные звуки, но и звукоряды (во фразеологизме *слон в посудной лавке* корреляция смыслов 'неуклюжий' – 'хрупкий' подчеркнута метатезой [слн – с-н-л]), и целые рифмующиеся клаузулы (*ни кожи ни рожи*), и корни (*горе горькое*), и форманты (*пригодится воды напиться*), и словоформы (*ложка дёгтя в бочке мёда*: повтор словоформы род. пад. ед. ч.), и синтаксемы (*в огороде бузина, а в Киеве дядька*: параллельные конструкции), и лексемы (*рука руку моет*), и лексические синтагмы (*хоть ты меня бей, хоть ты меня режь*). Не представляется целесообразным объединять все эти единицы в отдельный вид фразеологических знаков – корреляторы смысла – потому что, во-первых, они слишком разнородны и разноуровневны, а во-вторых, они не сугубо фразеологичны: эта функция выполняется ими также в составе паремий, крылатых выражений, афоризмов, поэтических текстов и т. п. Целесообразнее считать, что это одна и та же функция, выполняемая разными видами языковых единиц и моделей.

Что касается лексических компонентов фразеологизмов, они, на наш взгляд, не могут считаться единицами фразеокода в том же смысле, в каком слова суть единицы общеязыкового кода. Вопрос о том, являются ли лексемы в составе фразеологизмов словами или «особыми образованиями», не может решаться глобально, применительно ко всем фразеологизмам; он решается в зависимости от того, какой ономаσιологический уровень имеется в виду и какую функцию выполняет та или иная лексема в составе фразеологизма.

На первом ономаσιологическом уровне структуры фразеологизмов лексемы проявляют большую часть словных свойств: изменяемость (хотя бы частичную) по грамматическим категориям, словесную схему ударения, раздельное написание, а главное – способность складываться в «сложночлени-

мую семантему» (выражение Н.Н. Амосовой [1, с. 81]), то есть прямое значение словосочетания, служащее внутренней формой фразеологизма и мотиватором фразеологического значения¹. Эти словные свойства играют важную роль в функционировании фразеологизмов и непременно должны приниматься во внимание. На этом уровне лексические компоненты фразеологизмов, несомненно, являются словами.

На втором ономаσιологическом уровне словами остаются те лексемы, которые сохранили самостоятельную номинативную функцию. Это могут быть лексемы с буквальным значением (*Сизифов труд, львиная доля, медвежья услуга, танталовы муки*) или с переносным значением (*каша в голове* – 'путаница в мыслях', *подсластить пилюлю* – 'сдобрить дурную весть', *волк в овечьей шкуре* – 'злодей в безобидном обличье', *выносить сор из избы* – 'разглашать внутриколлективные дразги'). Такие слова представляют собой монологические номинаторы в составе фразеологизмов. Подчеркнём, что номинативная самостоятельность таких лексем в большей или меньшей мере подавлена неразрывной связанностью их значений со значениями соседних лексем и "нависающим" приращённым смыслом, придающим фразеологизму ту или иную степень семантической целостности и глобальности номинации. Так что лексические компоненты фразеологизмов – не полноценные слова. Если номинативная самостоятельность слов не подавлена приращённым глобальным смыслом, перед нами – не фразеологизм, а словосочетание с прямым значением, если даже не буквальным, а переносным: *Перо сильнее меча*. По справедливому замечанию Г.Л. Пермякова, образность этого оборота носит лексический, а не фразеологический характер [7, с. 16]. Каждый из его лексических компонентов переосмыслен по отдельности.

Если номинативная самостоятельность лексем подавлена настолько, что они сохра-

¹ Исключение составляют лексические архаизмы и варваризмы во фразеологических сращениях (*сарынь на кичку, шерочка с машерочкой* и т. п.).

нили в основном лишь десигнативную функцию, то они не являются словами на втором ономасиологическом уровне. Это практически уже не номинаторы объектов, а десигнаторы значений, функционально подобные морфемам, но формально сохранившие рудименты словных свойств. Например, во фразеологизме *как кур в ощип* за лексемой *кур* сохранилось более или менее самостоятельное фигуральное значение ‘человек’, а за лексемой *ощип* – значение ‘трудная ситуация’; но эти лексемы не демонстрируют почти никаких словных свойств. От морфем их отличает лишь соединение по синтаксической, а не словообразовательной схеме и раздельное написание. Лексемы-десигнаторы на этом уровне – не слова, а эквиваленты морфем.

Некоторые лексемы в составе фразеологизмов утратили даже десигнативную функцию и сохранили лишь дистинктивную. Например, в междометном фразеологизме *Убиться веником!*, выражающим удивление, лексемы по отдельности ничего не обозначают и не означают. Это лексемы-дистинкторы значений. Функционально они близки к фонемам, но формально сохраняют остаточные свойства слов.

Лексемы-десигнаторы и лексемы-дистинкторы, сочетаясь друг с другом, образуют сложные (полилексемные) фразеониматоры. Так, фразеологизм *беречь как зеницу ока* состоит из двух фразеониматоров – монолексемного (*беречь*) и полилексемного (*как зеницу ока*). Последний, в свою очередь, состоит из трёх лексем-дистинкторов, переосмысленных как единое целое и совместно передающих значение ‘тщательно’. Целостность повышает устойчивость сочетания лексем. Поэтому первая лексема ‘жива’: она изменяется по грамматическим формам и заменяется синонимом *хранить*, а остальное сочетание лексем ‘застыло’ (нельзя сказать **беречь словно зрачок глаза* и т. п.). Таким образом, внутри фразеологизма могут быть участки с большей и меньшей семантической целостностью и ригидностью.

В предельных случаях весь фразеологизм представляет собой единый фразеониматор,

не делимый на более простые номинаторы. Например, во фразеологизме *синий чулок* – ‘эмансипированная дама’, лексема *синий* сама по себе не обозначает свойство эмансипированности, а лексема *чулок* – даму. Это сочетание переосмыслено целиком и представляет собой семантически высокоцелостный фразеологизм, состоящий из двух лексем-дистинкторов.

Уточним статус тех единиц, которые мы, соглашаясь с А.В. Куниным, называем лексемами, имея в виду лексические компоненты фразеологизмов. Внешне они выглядят как слова, но проявляют ряд несловных свойств; это противоречие и привело к разногласиям об их сущности. Сохраняя «по инерции» словный облик и (отчасти) словное поведение, они представляют собой, так сказать, оболочки слов, наполняемые разной содержательной и функциональной начинкой. На наш взгляд, лексемы – единицы, составляющие фразеологизмы, но не являющиеся единицами собственно фразеологического кода, подобно морфемам и фонемам на предыдущих уровнях. Основные единицы фразеокода – фразеониматоры, которые могут состоять из любого количества лексем – от одной до всех лексем, входящих в состав фразеологизма. Если лексема не представляет собой самостоятельный номинатор, то она является десигнатором либо дистинктором в составе фразеониматора. Такая специфика статуса лексических компонентов обусловлена тем, что фразеологизмы в общем случае – не словосочетания и не слова, а нечто промежуточное и переходное от словосочетаний к словам.

Итак, информационный компонент фразеокода содержит единицы-фразеониматоры (моно- и полилексемные), которые, в свою очередь, содержат фразеодесигнаторы и фразеодистинкторы. Членение фразеологизмов на слова на первом ономасиологическом уровне в разной мере совпадает (иногда совсем не совпадает) с их членением на фразеониматоры на втором ономасиологическом уровне, а синтаксическая структура в разной степени актуальна (иногда совсем не актуальна) на втором ономасиологическом

уровне. Иначе говоря, между первичной и вторичной знаковой структурой фразеологизмов в общем случае наблюдается та или иная степень анизоморфизма. Это фундаментальное свойство определяет структурные и функциональные отличия фразеологизмов от их прототипов – словосочетаний с прямым значением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – М.: Издательский дом «Либроком», 2010. – 216 с.
2. Зеленкина О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических единиц): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 121 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
4. Молотков А.И. Предисловие // Фразеологический словарь русского языка. – М.: Советская Энциклопедия, 1967. – 544 с.
5. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 128 с.
6. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 128 с.
7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
8. Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. – 172 с.
9. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
10. Смирницкий А.И. Фразеологические единицы в современном английском языке // А.И. Смирницкий. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во иностранной лит., 1956. – С. 202-230.